

Матьяна
Алюшина

Читайте романы Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Патьяна Алюшина

Далекий мой,
единственный

Роман

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
Н. Каштыкиной

Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 **Далекий мой, единственный :** роман / Татьяна
Алюшина. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-172223-4

Юля влюбилась в Илью, когда ей было всего-навсего десять лет. Никто и не мог предположить, что это — не мимолетное ребячество, а настоящее чувство, которое девушка пронесет через годы. Окрепнув и возмужав, эта любовь станет действительно крылатой. О такой пишут в книгах, ею восхищаются и завидуют. Вот только пока что на Юлину долю досталось больше горечи, чем счастья.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-172223-4

*Владимиру Валентиновичу Беляеву
с благодарностью за поддержку и понимание
посвящается*

ЮЛЯ

Сложив на столе ладони и упершись в них подбородком, Юлька смотрела на улицу. Письменный стол, за которым она сидела, стоял возле окна, для правильного освещения, когда она работает, да и думалось ей лучше, глядя на неспешно текущую, никуда не торопящуюся Неву.

В мире под названием Санкт-Петербург шел снег. Огромные хлопья, послушные порывам ветра, метались за окном то в одну сторону, то в другую, то ровно падали, как сплошная белая завеса, и ей казалось, что она слышит тихий шорох опускающихся на землю снежинок.

Юля не любила зиму. Сейчас не любила. Она была уверена, что зима — это время для обдумывания жизни, легкого философствования. В тишине и уюте теплой квартиры, в сумеречной, неярко освещенной комнате. Когда знаешь, что на улице холодно и неуютно зыбко, надо обязательно сидеть в удобном кресле и предаваться осмыслению своей жизни, читать классиков, проецируя их мудрые мысли на себя и нынешнюю действительность.

Ничего обдумывать она не хотела, проецировать что-то там и уж тем более ковыряться в себе.

Юлька столько всего передумала, что в мозгах что-то заклинило, какие-то проводки от чрезмерной нагрузки соединились не так, заблокировав умные мысли и правильные выводы, оставив только уже привычную, постоянную, как неизбежный холодный рассвет, боль.

Вчера они встретились с Карелией в кафе. Болтали обо всем, смеялись, как говорится: ничего не предвещало...

И вдруг Кара стала серьезной, задумалась, посмотрела куда-то вдаль и, переведя взгляд на Юльку, сказала:

— Ты живешь в странном мире. В мире, в котором не разрешаешь быть прошлому, не допускаешь будущее и в котором нет настоящего. Такое случается с людьми, когда они переживают трагедию, что-то вроде анестезии, но это состояние длится несколько недель, ну, может, пару месяцев. А ты зависла в нем надолго. Хватит, Юль, жить не живя, надо двигаться вперед!

— Как?

— Как угодно — правильно, неправильно, но вперед! У тебя такое яркое, жизнерадостное творчество, значит, в тебе есть внутренние резервы, силы, чтобы радоваться. Так реализуй их в жизни, а не только в своих проектах и картинах!

— Я попробую, — ответила, лишь бы уйти от неприятной темы, Юлька.

— Нет! Ты не пробуй — а возьми и сделай! Прямо сейчас! Сядь в тишине, подумай, проанализи-

руй, что мешает тебе идти вперед. Изложи, в конце концов, на бумаге! Напиши историю своей любви, честно, без оправданий, обвинений и желания приукрасить! Напиши, прочти и сожги к чертовой матери! Если не поможет — повтори, еще раз, еще!

— Хорошо! — на этот раз пообещала Юлька.

Карелия всегда права. Она была настолько мудрой, что Юльке казалось порой, что подруга ясновидящая или экстрасенсша какая-нибудь, на худой конец, добрая колдунья. Ну в самом деле, нельзя же быть такой красивой и мудрой!

Юлька обладала чертой характера, которая страшно мешала и часто осложняла ей жизнь: если она что-то обещала, то обязательно делала это, хоть трава не расти!

Тяжело вздыхая от необходимости исполнения данного обещания, она промаялась целое утро, слоняясь из комнаты в комнату, оттягивая неизбежность исполнения. Занимаясь тем же оттягиванием, села за рабочий стол, долго и тщательно наводила порядок на нем, разложив эскизы и наброски в аккуратные стопочки, сдула несуществующую пыль с поверхности и, еще раз тяжело вздохнув, взяла лист бумаги.

Девственно-белый лист лежал перед ней в ожидании, пугая своей притягательностью, словно поторапливал: «Ну, давай, напиши что-нибудь!»

«А что?» — спросила себя она.

Юлька взяла ручку, посмотрела, задумавшись, в окно и решительно ринулась в эпистолярное из-

лияние души, решив писать не раздумывая, а что придет в голову. С лету!

«Каждому человеку кажется, что его страдания, его боль, его любовь самые сильные, самые болезненные и никто другой и представить себе не может всей глубины переживаемого им. И от этого мы в своих страданиях ужасно и безнадежно одиноки.

Что мучает меня, что не дает жить и дышать во всю силу?

Обида? Непонимание? Или нежелание принять и смириться с той действительностью, которая сложилась совсем не так, как я себе придумала?

Любовь? Что от нее осталось, от моей любви?

Любовь обрастает мечтами, желаниями и надеждами, которые расцвечивают ее в самые невероятные краски, делая глубже, прекрасней, ярче! У меня были чудесные мечты!

Господи! Какие же красивые мечты были у меня!!! Но они улетели разноцветными воздушными шариками в голубое ясное небо, постепенно уменьшаясь в размерах и растаяв навсегда.

А семь месяцев назад ушла, безнадежно махнув рукой, надежда.

Что осталось у меня?

Только любовь...

Безнадежная, неосуществимая и от этого голая, безусловная. Без всяких условий.

Просто любовь...»

Юлька бросила ручку в раздражении.

— Не могу!

Она сложила ладони на столе, уперлась в них подбородком и посмотрела в окно на летящий снег.

Когда Юлька увидела его первый раз, было лето. Замечательное, жаркое, бесшабашное дачное лето. Июль. Юльке исполнилось десять лет.

Каждый год родители снимали дачу в подмосковном поселке у одних и тех же людей. Большой дом был разделен на две половины — хозяйскую и ту, что сдавали дачникам, в последнюю которую входили четыре комнаты: две на первом этаже, две на втором, отдельная кухня и длинная открытая веранда. А еще они могли пользоваться всем огромным участком вокруг дома. Юлька обожала лето, эту дачу, поселок, своих дачных друзей, маму, папу, их друзей, хозяев дачи и их собаку с прозаическим именем Жулька! Все-все-все, что связано с дачным летом, Юлька обожала!

В мае она начинала по сто раз в неделю спрашивать родителей, не забыли ли они договориться с Ярцевыми о даче. После майских праздников все ее друзья по даче начинали активно перезваниваться, договариваться о встречах и важных летних планах. Дней за десять до отъезда Юлька начинала собираться, и к моменту, когда все необходимые вещи стояли в коридоре и папа давал команду: «Все! Выезжаем!», она уже торчала у дверей и переминалась в нетерпении с ноги на ногу, как резвый молодой конек.

Самым страшным наказанием для девочки было обещание родителей отправить ее на юг, к морю!

Когда ей было восемь лет, родители решили оздоровить дочурку и повезли в Крым, в пионерский лагерь. Юлькины слезы и мольбы не смогли повлиять на их решение. Какой-то знакомый врач настоятельно порекомендовал родителям такой летний отдых для дитя, напугав попутно всяческими ужасами о московской экологии. В те времена это понятие было не в ходу и мало кто обращал на это внимание, но врач, что б ему пусто было, попался «продвинутый», впрочем, как и Юлькины родители.

У папы сердце обрывалось, когда Юлька стенала и упрасивала не отправлять ее в этот лагерь.

— Папочка! Ну, пожалуйста! — рыдала Юлька. — Не хочу я это море, я на дачу хочу!

— Марина! — не выдерживал папа, обнимая дочку и вытирая ей слезы. — Может, черт с ним, с лагерем? Смотри, как ребенок убивается!

— Игорь! — стояла на своем мама, напуганная страшилками о том, чем дышит ее ребенок в течение года. — Так нельзя! Позагорает, поплавает, иммунитет укрепит!

Она забирала дочь из рук мужа, прижимала к себе и уговаривала:

— Юлечка! Тебе понравится. Ты ведь никогда на море не была, а там очень красиво. И ребят много, познакомишься, подружишься!

— Не хочу! — плакала Юлька. — У меня друзья на даче есть, они меня ждут!

С приближением дня отъезда сцены рыданий и уговоров повторялись с большей частотой и насыщенностью Юлькиными рыданиями, уговорами, обещаниями, ультиматумами, ну, по полной программе. Папа готов был сдаться, видя дочкино трагичное лицо, но мама оставалась непреклонна. Она сама повезла Юльку на юг, чтобы сдать с рук на руки и посмотреть лагерь, в который отправляли любимое чадо.

Не сумев разжалобить родителей и добиться своего, чадо поступило другим образом. На второй день пребывания в замечательном лагере (а кто спорит: замечательный, с огромным парком, пляжем, питанием, ну и всем остальным) Юлька заболела. Ее положили в изолятор с температурой сорок градусов. Перепуганная мама металась по врачам, пытаясь выяснить, что за болезнь приключилась с дочерью. Те пожимали плечами — а бог его знает? На простуду не похоже, в море дети еще не купались, может, такая реакция на солнце?

Мама быстро собрала девочку, и в тот же день на самолете они вернулись домой в Москву, где странным образом непонятная болезнь мгновенно исчезла. И уже на следующее утро Юлька оглашала дачные окрестности здоровым криком молодого павиана.

Родители, стоя на веранде дома, наблюдая встречу дочери с друзьями, сопровождаемую кри-

ками неподдельной радости воссоединения, обсудили ситуацию.

— Дурацкая была идея! — сказала мама

— Да, — согласился папа — И врач этот тоже дурацкий! И мы с тобой хороши! Ну что переполошились? Оздоровливается она и здесь, без всякого моря и крымского солнца!

— Нет, ну какова! — восхитилась мама. — Не мытьем, так катаньем! И ведь умудрилась заболеть до температуры! А?

— А ты думала, — рассмеялся папа. — Она же рыжая, вся в прабабку, а та всегда добивалась чего хотела!

— Нет, ты посмотри, куда вся болезнь девалась! Орет, как будто только с пальмы слезла! — и мама звонко рассмеялась. — А все-таки Юлька у нас молодец! Ну, действительно, на черта ей это море сдалось, если она здесь целый день на воздухе, мы ее с трудом есть и спать загоняем; и речка, и лес, и друзья тут, и дела у них свои всякие «важные».

С тех пор, если Юлька умудрялась схватить пару в школе, или прогулять уроки, или натворить что-нибудь, то последним предупреждением и самым страшным из возможных наказаний было обещание родителей отправить ее летом к морю вместо дачи. И эта совсем уж крайняя мера устрашения способна была приструнить ее надолго.

Было лето. Июль. Стояла жара.

Юльку загнали домой обедать, и она все торопила родителей, расслабленных и несуетных в выходной на даче.

— Ну, давайте скорее! Меня же все ждут! — просила девочка, помогая родителям накрывать стол на веранде.

Она как угорелая моталась из кухни на веранду, кидая на стол вилки-ложки, хлебницу, салфетки.

— Юля, не торопись, все равно, пока спокойно не поешь, никуда не пойдешь. Ты же знаешь! — говорила мама.

— Ладно, — вздыхала Юлька.

Конечно, речка, велики, друзья никуда без нее не денутся, но уж очень эти обеды и ужины мешали грандиозным планам компании, всегда почему-то оказываясь не вовремя.

Юлька торопливо ела, умудряясь при этом рассказывать о проделках, которые они устраивали. Мама с папой смеялись, забыв отчитать дочь за рискованные приключения, солнце шпарило, из радио, висевшего в кухне, доносилась какая-то песня, и в это время...

Юлька, сидевшая за столом лицом к ступенькам, ведущим на веранду, увидела Его и замерла, не донеся ложку с супом до рта, который так и остался открытым.

Он поднимался по трем скрипучим деревянным ступенькам и был похож на древнегреческого бога! Юлька как раз сейчас штудировала книгу «Легенды

и мифы Древней Греции» и совершенно точно знала, как выглядят эти боги!

Капли срывались с замершей на полдороге ко рту ложки и падали в тарелку с супом, обдавая футболку мелкими брызгами.

Время для Юльки остановилось! И куда-то исчезли все звуки. И весь мир куда-то тоже делся.

Она смотрела, широко раскрыв глаза, на самого красивого на свете мужчину!

Вообще-то он был обыкновенным, ну не совсем уж обыкновенным, скорее, очень интересным мужчиной, но тогда он казался ей невероятным, сказочным красавцем!

Что там принц! Принцы это так, ерунда — сыновья королей, которые неизвестно когда сами станут королями, особенно если папаши в добром здравии! Да и хлипкие они, ходят в штанах в обтяжку и в коротеньких (ободранных, что ли?) плащиках на плечах. Юлька сама видела, когда родители водили ее на балет, да и в книгах все эти принцы изображены тоненькими, худенькими. Нет, это не то!

Вот невесть откуда взявшийся незнакомец... Это да! Высокий, большой, даже солнце загородил!

— Здравствуйте! — улыбнулся «бог».

И время потекло дальше, и звуки вернулись: из радио опять доносилась песня, капли, срываясь с ложки, громко шлепались в суп, из-за забора Серега кричал:

— Юлька, давай быстрее!

— О, Илья! — обрадовался папа, вставая со стула.

Он пожал «богу» руку, приобнял его и похлопал по спине.

— Молодец, что приехал!

— Здравствуй, Ильюша! — улыбнулась мама. — Садись скорее за стол.

Юлька переводила взгляд с одного взрослого на другого. Как это родители с ним так запросто? Он же бог!

— Дочка, доедай! — сказала мама

— Здравствуйте, Юля — поздоровался с ней (с ней!) «житель Олимпа». — Наконец я с вами познакомлюсь. Ваш папа про вас много рассказывал.

— Что? — пропищала потрясенная Юлька.

— Да разное! — рассмеялся он.

Мама усадила гостя за стол возле Юльки, поставила перед ним прибор и налила ему суп в тарелку.

— Меня зовут Илья, — представился «небожитель».

— Вы похожи на греческого бога! — выпалила Юлька и уронила ложку в суп, на этот раз вызвав фонтан брызг.

— А что, действительно! — согласился, смеясь, папа. — Кудри, нос с небольшой горбинкой, синие глаза. Похож!

— Юля сейчас изучает Древнюю Грецию, — пояснила мама. — И всех и все сравнивает с оной. Давай, красавица, неси тряпку и вытри со стола последствия своего знакомства с богами.

Юлька быстро-быстро сбегала в кухню, схватила тряпку, вытерла стол, бросила тряпку куда-то

в угол, уселась на место и восхищенно уставилась на гостя.

— Должен вас разочаровать, Юлечка: я не бог и даже не грек. Увы! — улыбнулся он ей невероятной красоты улыбкой, подогревая воображение девочки до предела.

— А почему тогда вы говорите мне «вы»? — спросила Юлька, отказываясь расставаться со своей убежденностью.

— Так проявляют уважение к малознакомым людям и старшим по возрасту или должности, — пояснил папа. — Илья человек воспитанный. И насколько я помню, мы с мамой старались и тебе привить хорошие манеры.

— А! — вспомнила Юлька о том, что ей пытались «привить» родители. — Мне надо спросить о погоде? — уточнила она. — Как погода в Греции?

Он рассмеялся.

— Юлечка, вот честное слово, я не грек и уж тем более не один из их богов! Я самый что ни на есть настоящий русский. Кстати, древние греки были блондинами в основном, я для них темноват, а вот вы подходите — рыжие там часто встречались, особенно среди богинь.

— Слава богу, она не изучает Средневековье! — заметила мама. — А то бы потребовала, чтоб ты надел латы и продемонстрировал меч. Дочка, ты, кажется, спешила?

— А? — отвлеклась от созерцания Ильи Юлька. — Ничего, я не тороплюсь!

— Да? — не поверила мама. — А мне показалось, что тебя ждут.

Юлька, вспомнив о своих важных делах с друзьями, подскочила и тут же плюхнулась назад. Она разрывалась между желанием бежать доигрывать и страхом, что, как только она уйдет, этот уже не бог, как выяснилось, исчезнет.

— Так! — распорядился папа. — Давай, ешь второе и можешь идти гулять.

— А вы не уедете? — спросила она у Ильи

— Нет, — ответил за него папа. — Илья приехал отдохнуть, и нам надо с ним поработать.

— А вы кто? — допытывалась Юлька.

— Я ученик вашего папы, мы вместе работаем, он мой научный руководитель.

— А! — кивнула головой Юлька.

Доспехи бога стремительно тускнели, делая гостя ближе и реальней.

— Вы его аспирант?

— Не совсем, я его сотрудник.

Папа отвлек Илью от разговора с Юлькой, и они стали обсуждать какую-то только им понятную тему. А девочка, неотрывно глядя на гостя, быстро справилась со вторым блюдом.

— Юля! Да что с тобой? — спросила мама.

— Мам, он очень красивый, правда?

— Кто? Илья? — уточнила мама.

— Ну да!

— Похоже, Илья поразил твое воображение, — улыбнулась мама.

— Поела? — поинтересовался папа. — Все, иди, тебя друзья ждут!

Юлька подскочила, скороговоркой поблагодарила за обед и ринулась вниз по ступенькам с веранды, но остановилась уточнить тревожащие детали.

— Вы когда уезжаете?

— Илья останется с ночевкой, — ответил вместо него папа и обратился к гостю: — Баньку затопим, посидим, поговорим. Мне очень понравилась твоя идея, надо обсудить.

— Хорошо! — обрадовалась Юлька. — Ну и, если вы все-таки не бог, давайте на «ты»!

— Согласен! — рассмеялся Илья.

Юлька умотала, но каждый час забегала под разными предлогами: воды попить, переодеться, взять велик, оставить его, на самом же деле проверяя, не делся ли куда Илья. В выдвигаемую им теорию о своем якобы простецком русском происхождении слабо верилось — ну как может этот красавец оказаться кем-то простым!

После целого дня активных игр и занятий Юлька обычно спала как убитая, даже не ворочалась во сне, вырубаясь на лету, не успев донести голову до подушки. Но сегодня она никак не могла уснуть — ну вот никак! Ворочалась, вздыхала, ужасно беспокоясь, что подозреваемый на роль бога все же исчез. Да, сейчас! Будет она переживать бездейственно! Юлька достала фонарик из-под подушки, где хранились всякие «важные» мелочи: большой ржавый

гвоздь, красивый камешек, записка от Вовки, который ей нравился до сегодняшней исторической встречи с божественным Ильей, следующего содержания: «Юлька выходи мы тебя ждем», сломанные наручные часы и много еще разного.

Включив фонарик, она отправилась в гостиную, где на диване устроили на ночь Илью. Решительно подойдя к спящему, Юлька посветила ему в лицо. Надо же убедиться, что гость на месте!

Он проснулся, заслонил рукой лицо от луча света и спросил:

— Юль, это ты? Что случилось?

— Ничего, я хотела проверить, не испарился ли ты! — ответила она.

Илья рассмеялся, сел и похлопал по дивану рукой, приглашая ее сесть рядом.

— Садись.

Юлька проворно забралась на диван.

— Мы ведь уже выяснили, что я не древнегреческий бог, а вполне живой и реальный русский.

— Я так, на всякий случай — объяснила Юлька.

Он погладил ее по волосам и спросил:

— Откуда у тебя такие красивые рыжие кудри?

— Говорят, от прабабушки, папиной бабушки.

Я ее видела только на фотографии, но она не цветная, и какие у прабабушки там волосы, непонятно. А почему ты раньше не приходил? Папины аспиранты у нас часто бывают, а тебя я ни разу не видела.

— Так сложилось. Вы далеко живете, а я рядом с институтом, где мы работаем. Поэтому, если мы засиживаемся там допоздна, то идем ко мне домой.

— А ты один живешь?

— Нет, с родителями. Ну, Рыжик, давай спать. Обещаю, что утром все еще буду здесь.

Он помог ей слезть с дивана, чмокнул в макушку. Развернул к выходу и легонько подтолкнул.

— Иди. Спокойной ночи.

— Угу, — пробормотала Юлька и поплелась к себе в комнату.

Как только она удостоверилась в наличии объекта на месте, на нее навалилась непреодолимая сонливость.

Юлька была рыжей. Огненно-рыжая, непослушная, вся в кудряшках копна волос, с которой могла справиться только мама, заплетая ее в косички, ужасно раздражала Юльку и доставляла массу хлопот.

— Мамочка, — просила Юлька, терпя пытку косичками. — Давай пострижем эти волосы коротко-коротко!

— Тогда ты вся будешь в мелкую кудряшку. Ты этого хочешь?

— Не очень, — вздыхала Юлька. — Но и терпеть это мне надоело!

— Юлька, да за такие волосы большинство женщин душу бы продали, а тебе они достались даром!